

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ
ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ
БЕТХОВЕН

Владимир Одоевский
Последний квартет Бетховена

«Public Domain»

1843

Одоевский В. Ф.

Последний квартет Бетховена / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1843

«1827 года, весною, в одном из домов венского предместья несколько любителей музыки разыгрывали новый квартет Бетховена, только что вышедший из печати. С изумлением и досадою следовали они за безобразными порывами ослабевшего гения: так изменилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодии, полной поэтических замыслов; художественная отделка превратилась в кропотливый педантизм бездарного контрапунктиста; огонь, который прежде пылал в его быстрых аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался в полных, огромных созвучиях, погас среди непонятных диссонансов...»

© Одоевский В. Ф., 1843

© Public Domain, 1843

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Владимир Федорович Одоевский Последний квартет Бетховена

Я был уверен, что Креспель помешался¹. Профессор утверждал противное. «С некоторых людей, – сказал он, – природа или особенные обстоятельства сорвали завесу, за которою мы потихоньку занимаемся разными сумасбродствами. Они похожи на тех насекомых, с коих анатомист снимает перепонку и тем обнажает движение их мускулов. Что в нас только мысль, то в Креспеле действие».

Гофман

1827 года, весной, в одном из домов венского предместья несколько любителей музыки разыгрывали новый квартет Бетховена, только что вышедший из печати. С изумлением и досадою следовали они за безобразными порывами ослабевшего гения:² так изменилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодии, полной поэтических замыслов; художественная отделка превратилась в кропотливый педантизм бездарного контрапунктиста; огонь, который прежде пылал в его быстрых аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался в полных, огромных созвучиях, погас среди непонятных диссонансов; а оригинальные, шуточные темы веселых менуэтов превратились в скачки и трели, невозможные ни на каком инструменте. Везде ученическое, недостигающее стремление к эффектам, не существующим в музыке; везде какое-то темное, не понимающее себя чувство. И это был все тот же Бетховен, тот же, которого имя, вместе с именами Гайдна и Моцарта, тевтонец произносит с восторгом и гордостью! Часто, приведенные в отчаяние бессмыслицею сочинения, музыканты бросали смычки и готовы были спросить: не насмешка ли это над творениями бессмертного? Одни приписывали упадок его глухоте, поразившей Бетховена в последние годы его жизни; другие – сумасшествию, также иногда омрачавшему его творческое дарование; у кого вырывалось суетное сожаление; а иной насмешник вспоминал, как Бетховен в концерте, где разыгрывали его последнюю симфонию, совсем не в такт размахивал руками, думая управлять оркестром и не замечая того, что позади, его стоял настоящий капельмейстер; но они скоро снова принимались за смычки и, из почтения к прежней славе знаменитого симфониста, как бы против воли продолжали играть его непонятное произведение.

Вдруг дверь отворилась, и вошел человек в черном сюртуке, без галстука, с растрепанными волосами; глаза его горели, – но то был огонь не дарования; лишь нависшие, резко обретенные оконечности лба являли необыкновенное развитие музыкального органа, которыми так восхищался Галль³, рассматривая голову Моцарта.

– Извините, господа, – сказал неожиданный гость, – позвольте посмотреть вашу квартиру – она отдается внаймы...

² С изумлением и досадою следовали они... – Эта и последующая характеристика последних квартетов Бетховена как плодов глухоты и безумия дается от лица героев-исполнителей, а не самого Одоевского, который ценил поздние квартеты Бетховена и в одной из статей, сравнивая Бетховена с Чацким, гневно обличал «Фамусовых музыкального мира», которыми Бетховен «был почтен сумасшедшим» (Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 114). // Это не значит, что Одоевский не был знаком с отрицательными суждениями о позднем Бетховене, принадлежавшими не «Фамусовым музыкального мира», а серьезным и уважаемым музыкантам. Так, известно, что в кружке Виельгорского, к которому был близок и Одоевский, А. Ф. Львов, участвовавший в исполнении одного из последних квартетов Бетховена, в раздражении швырнул на пол свою партию первой скрипки. В письме к Н. Я. Афанасьеву Львов писал: «...как вы, Николай» Яковлевич, не видите, что это писал сумасшедший?» (Афанасьев Н. Я. Воспоминания. – Исторический вестник, 1890, июль, с. 35).

³ Галль Франц Иосиф (1758–1828) – австрийский врач и анатом, основатель «френологии» – теории, согласно которой особенности психики человека находят выражение в строении черепа. К этой теории Одоевский относился с положительным интересом, хотя и считал, что ближайшие последователи Галля довели его идеи «до нелепости» (см. рецензию Одоевского на «Основания краниоскопии» К. Г. Каруса: Отечественные записки, 1844, э 6, с. 79).

Потом он заложил руки за спину и приблизился к играющим. Присутствующие с почтением уступили, ему место; он наклонял голову то на ту, то на другую сторону, стараясь вслушаться в музыку, но тщетно: слезы градом покатались из глаз его. Тихо отошел он от играющих и сел в отдаленный угол комнаты, закрыв лицо свое руками; но едва смычок первого скрипача завизжал возле подставки на случайной ноте, прибавленной к септим-аккорду, и дикое созвучие отдалось в удвоенных нотах других инструментов, как несчастный встрепенулся, закричал: «Я слышу! слышу!» – в буйной радости захлопал в ладоши и затопал ногами.

– Лудвиг! – сказала ему молодая девушка, вслед за ним вошедшая. Лудвиг! пора домой. Мы здесь мешаем!

Он взглянул на девушку, понял ее и, не говоря ни слова, побрел за нею, как ребенок.

На конце города, в четвертом этаже старого каменного дома, есть маленькая душная комната, разделенная перегородкою. Постель с разодранным одеялом, несколько пучков нотной бумаги, остаток фортепьяно – вот все ее украшения. Это было жилище, это был мир бессмертного Бетховена. Во всю дорогу он не говорил ни слова; но когда они пришли, Лудвиг сел на кровать, взял за руку девушку и сказал ей:

– Добрая Луиза! ты одна меня понимаешь; ты одна меня не боишься; тебе одной я не мешаю... Ты думаешь, что все эти господа, которые разыгрывают мою музыку, понимают меня? – ничего не бывало! Ни один из здешних господ капельмейстеров не умеет даже управлять ею; им только бы оркестр играл в меру, а до музыки им какое дело! Они думают, что я ослабеваю; я даже заметил, что некоторые из них как будто улыбались, разыгрывая мой квартет; вот верный признак, что они меня никогда не понимали; напротив, я теперь только стал истинным, великим музыкантом. Идучи, я придумал симфонию, которая увековечит мое имя; напишу ее и сожгу все прежние. В ней я превращу все законы гармонии, найду эффекты, которых до сих пор еще никто не подозревал; я построю ее на хроматической мелодии двадцати литавр; я введу в нее аккорды сотни колоколов, настроенных по различным камертонам, ибо, прибавил он шепотом, – я скажу тебе по секрету: когда ты меня водила на колокольню, я открыл, – чего прежде никому в голову не приходило, – я открыл, что колокола – самый гармонический инструмент, который с успехом может быть употреблен в тихом *адажио*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.